УДК 101.8

ГЕРМЕНЕВТИКА ГИМНА. ЧАСТЬ I

Воробьева Елена Юрьевна,
кандидат философских наук,
г. Омск, Россия.
e-mail: velena-05@mail.ru

Аннотация
Основная задача герменевтики – понимание – не может быть решена без диалектического к ней подхода. Понимание – это поиск не только понятного в непонятном, но и непонятного в понятном. На примере гимнов как традиционных символов государства показаны механизмы расширения познанного через анализ скрытых смыслов и их влияния на политическую судьбу народов.

Ключевые понятия:
герменевтика,
информационная цивилизация,
символ,
смысл,
гимн.

Еще некоторое время назад неравнодушные приверженцы традиционной европейской культуры были убеждены, что время перформанса, пастиша, коллажа и буйства воцарилось надолго, что, выражаясь словами из песни Е. Летова, «пластмассовый мир победил» окончательно. Постмодернисткая тенденция симулякризации культуры в конце XX – начале XXI вв. привела к созданию разветвленной виртуальной среды, надстроив дополнительные символические этажи над исходной реальностью и включив в бытие постсовременного человека полностью искусственные, нечеловеческие миры. Казалось бы, «старый добрый» символ окончательно потерял значение с неизбежным уходом духовной жизни в виртуальную реальность, которая, по меткому замечанию В.А. Емелина, представляет собой ризоматическое киберпространство симулякров, где наступает смерть и децентрация субъекта [3]. Однако наличествующая культурно-политическая ситуация сосредоточивает наше внимание на возрождении и возвращении смыслов сданным было в утиль символическим формам.

Для общественно-политического дискурса концентрация на символах знаменует потребность современного человека в идентификации себя как члена конкретной политической общности, как гражданина определенного государства, наделяющего его одновременно и универсальными, и уникальными социальными характеристиками. В эпоху глобализации эта потребность становится жизненно необходимой, ибо придает обобщенному портрету Homo politicus индивидуальные черты, а частные свойства возвышает до всеобщего.

Операции с символами воздействуют на социальные общности через спрессованные в них блоки ценностей и архетипических констант, напрямую подключенных к коллективному бессознательному, и используют их манипулятивный аппарат незаметным для реципиента образом. Природа сакральных символов такова, что они не только фиксируют идеальный облик объекта, но и предопределяют тенденции его развития.

Традиционными символами европейских политических образований выступают герб, флаг и гимн. Из перечисленного именно гимн имеет языковое выражение, что позволяет выделить смыслы, таящиеся за привычными всем словами, перекинуть, по образному выражению Ю.М. Лотмана, мост «из рационального мира в мир мисти-

ческий» [4, с. 191–199]. Усмотреть мерцание иррационального содержания в словесном выражении гимнов не так уж и сложно: их тексты бесхитростны и прямолинейны, ибо обращаются к нации без учета уровня ее культуры и цивилизованности.

Поиск смыслов политических символов сходен с приемом фиксации и осмысления пороговых моментов текста (точек онтологического минимума), использованным Л.В. Карасевым в книге «Онтологический взгляд на русскую литературу». Философ пишет: «Я заметил, что интересующие меня вещи обнаруживают свой смысл именно в тех местах, где герой оказывается в решающей ситуации, то есть в точках так называемого онтологического минимума. Затем я вижу, как этот смысл распространяется на весь текст» [2, с. 175]. Пороговые места – это наиболее известные, ставшие визитной карточкой произведения фразы, которые автор называет «эмблемами». Придавая расширительное значение понятию «эмблема», мы предполагаем, что гимн можно счесть эмблематичным концептом: он открывает путь к душе нации, не являясь при этом ее всесторонней манифестацией. Как восклицание-эмблема «Бедный Йорик!» не отражает всех смыслов «Гамлета», так и гимн, будучи визитной карточкой страны, – не полноценный идеальный портрет государства, но узнаваемый набросок к портрету. В некоторых ситуациях данный набросок – выражение идеи, сплотившей людей и давшей рождение нации, тогда его содержание само становится символом и маркирует историческую канву в качестве консолидирующего социального фактора.

Парадоксален темпоральный аспект гимнотворчества: с одной стороны – это одна из самых древних символических форм, с другой – гимны современных государств возникли много позже их флагов и гербов. Возможно, это связано с более тесной привязкой языковых конструктов к ценностям территориально-политических образований: до тех пор, пока государство не позиционирует себя особым этно-религиозным монолитом, его характеристики рассеиваются в пространстве региональных свойств и не поддаются конкретизации.

Например, пока Российская Империя не стала в строй европейских государств, сама мысль о собственном государственном гимне не возникала. Аналогичная ситуация складывалась и с другими игроками политического пространства Европы, поэтому основной процесс гимнотворчества начался со второй половины XVIII в. – века, положившего начало рождению и национальных государств, и интернациональных концепций.

Боже, храни нашу милостливую
Королеву,
Долгой жизни нашей благородной
Королеве,
Боже, храни Королеву!
Неспошли ей побед,
Счастья и славы,
Долгого царствования над нами.
Боже, храни Королеву!

Одним из старейших* считается гимн **Великобритании**. Несмотря на раннее развитие английской буржуазности, он фиксирует типичный феодальный государственный концепт, когда все достижения страны напрямую связываются с деятельностью ее главы. Впервые гимн исполнили в 1745 г. в поддержку ганноверской династии, позже, в 1836 г., текст был дополнен и приведен в тот вид, в каком мы знаем его сегодня. Идеальный облик государства, согласно тексту, складывается из нескольких составляющих:

1. Страна – это вотчина государя; королева (король) – символ государства и воплощение суверенной власти: «хранимая Богом, милостивая, благородная»;

2. Основная задача государственной власти – «славно, долго царствовать над нами» и «защищать наши законы»;

3. Основная задача подданных – молить Бога, чтобы он «хранил королеву» (государственный порядок) и «нас всех» (народ);

4. Отношения с иными странами определены конкретно: британцы просят Всевышнего: «развей ее (королевы) врагов и заставь их падать», «разрушь их политику, разбей их мошеннические уловки»;

5. Образ государства зафиксирован в состоянии «здесь-и-сейчас»: отсутствуют упоминания о прошлом, не прогнозируется будущее. Власть монарха вневременна, страна вечна. Столь ценимый англичанами консерватизм выражается в незыблемости зафиксированного положения вещей.

*По утверждениям некоторых источников, основой для гимна Великобритании послужил французский «Боже, храни короля», написанный герцогиней де Бринон в 1686 г., и именно его следует считать первичным.

Интересен тот факт, что в XIX в. в британском обществе велись ожесточенные споры о замене монарха, как символа государственной власти, парламентом, но, в результате бурных дебатов, текст решили оставить без изменений.

Таким образом, современная Великобритания не утратила облика средневекового рыцаря, проводящего дни в сражениях с врагами, хранимого Богом и стоящего на страже закона. Внешняя и внутренняя политика страны и сейчас содержит подсознательное стремление исполнять священные «рыцарские обеты», санкционированные свыше, а ответственностью за последствия деяний обременены не люди, принимающие решения, и даже не власть как таковая, а сверхматериальная сущность. Возможно, именно этим объясняется рождение в культурных недрах Британской империи идеи цивилизаторской миссии «белого человека», рассматривающего мир как сцену, на которой реализуется творческая энергия колониального владычества «царицы морей».

Убежденность британцев в собственной значимости привела к тому, что многие им поверили: в современной конспирологии традиционна демонизация роли Англии в политических процессах, уверенность в том, что за нити всех серьезных мировых событий дергают кукловоды из Туманного Альбиона.

Скажи, ты, видишь ли, его сейчас,
в лучах рассвета,
Как гордо реял он когда-то
в последних отблесках заката?
Средь огненных полос, слепящих звёзд,
в смертельной битве тьмы и света
Над крепостью средь нас,
где доблесть он являл солдата?
Средь пламени ракет, бомб,
рвавших воздух в клочья,
Стоял он, он доказал сквозь ночь всем:
он – флаг наш – там.

В середине XX в. мантию гегемона мирового порядка примерила на себя бывшая колония Великобритании – США. Дистанцируясь от метрополии и позиционируя себя самостоятельным игроком на политическом поле, **Соединенные Штаты Америки** тем не менее не смогли избежать некоторой вторичности в конструировании идеального образа своего государства.

Стихотворение «Знамя, усыпанное звездами» было написано в 1814 г. Френсисом Скоттом Ки под впечатлением атаки англичан на форт МакГенри. Переложенное на музыку, оно достаточно часто исполнялось по официальным поводам, но до начала XX в. еще две песни претендовали на роль символа государства: «Да здравствует Колумбия!» и «Америка» (калька британского гимна). В 1931 г. Конгресс принял официальное решение сделать гимном государства «Знамя, усыпанное звездами», и со времен Второй мировой войны его с удовольствием играют перед каждым бейсбольным матчем.

Пафос войны за Независимость наделил гимн явной милитаристской направленностью, но этот милитаризм – буржуазного толка, тесно связанный с борьбой за свободу не только страны, но и индивидуума. США противопоставили образу монарха, воплощающего английскую государственность, образы еще одного государственного символа – флага и свободного гражданина, защищающего флаг. Текст гласит:

1. Страна – это «земля свободы, мужества», ее олицетворяет флаг, который «гордо реял» «в смертельной битве света и тьмы». Он – «звездный свет», который «славой отразив на нас, парит, потоком жив»;

2. Основная задача государственной власти – поддерживать «мощь, что создала и сохранила нас нацией»;

3. Основная задача гражданина – «побеждай, не медли. В память долга Отцам». Гражданин – это, прежде всего, доблестный солдат, свободный человек, стоящий живым щитом «между любящими домами и опустошением войн»;

4. Четко определен враг. Он находится за океаном, «на берегах, так смутно различимых сквозь многомильные туманные глубины», но его удаленность не повод для оптимизма. Враг коварен: на первый взгляд, он, «испуганный, притих в тиши», но природа его выражается в постоянной готовности к экспансии, враг, «то ярость не скрывая, то скрыв напор, о нежности шуршит». В образ мира вписаны заокеанские соседи: их наличие – органично, повадки – лицемерны, цели – враждебны;

5. США – страна, стремящаяся в вечность: «пусть вечно реют твои волны, земля свободы, мужества, живи!».

Идеальный концепт государства – социальная структура, нацеленная на выживание, готовая применить военную силу, не верящая тем, кто отделен от нее океаном, и опасающаяся неизбежной агрессии

извне. При таком раскладе не должно вызывать удивления своеобразие политической тактики Соединенных Штатов, стремящихся к нанесению превентивных ударов и легко применяющих военную силу на чужой территории. Внутренняя политика государства направлена на сохранение статуса свободного гражданина, обремененного полнотой ответственности за судьбу родины: «Не спрашивай, что твоя страна сделала для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны!» (Дж.Ф. Кеннеди).

Совершенно логично, в свете изложенного, трепетное отношение американцев к собственному флагу. Для них именно он является сакральным символом государства, воплощающим ценность свободы. Где реет флаг – там Америка, а за свободу в США принято платить кровью. Экспорт флага и свободы за океан не может быть мирным для стран-импортеров.

Англо-саксонский тип государства – это, прежде всего, государство островное, изолированное от остальных субъектов «большой политики» географически, поэтому сходство идеальных образов Великобритании и США объясняется не только историческим родством менталитетов. Страны европейского континента, не отделенные друг от друга столь серьезными преградами, свою уникальность и непохожесть на соседей старательно культивируют, отражая этот процесс в символах. Огромную роль в формировании идеального образа государства играют его история и культура.

Вперед, сыны страны родной:
Дни славы наступили!
Тираны дикою толпой
В наш вольный край вступили!
Вам слышны ли у очагов
Солдат свирепых клики?
Друзья! там ваших бьют сынов,
Подруг там ваших крики!

Конец XX в. оказался не слишком благосклонен к **Франции** – страна будто потерялась в новых реалиях, утратив тот искрометный «острый галльский смысл», который вызывал уважение и восхищение политических соперников, не говоря уж о друзьях. Не самую малую роль в выцветании образа современного государства, на наш взгляд, сыграл гимн.

Марсельеза была объявлена официальным гимном Великой французской революции (1795 г.), утратила свое значение в эпоху Наполеона и Реставрации и вернулась в строй в период Четвертой (1946 г.) и Пятой (1958 г.) республик. Революционный марш, формирующий имидж страны, воспевает романтический пафос борьбы, но объектом ее рисует собственных сограждан. «Любопытно не то, что Марсельезу, песнь крови, оркестры почтительно играют на дипломатических и придворных балах. Гораздо интереснее, что автор ее, Руже де Лиль, вдохновился ею и впервые пропел в доме своего друга Дитриха, а через несколько месяцев Дитрих вновь слышал эту песнь – уже в исполнении толпы, когда он шел на эшафот», – заметил в 1919 г. русский эмигрант М. Осоргин [5, с. 30]. Из текста следует:

1. Страна – это «вольный край»;

2. Основная задача государственной власти – не определена;

3. Основная задача граждан – отражать натиск врагов: «здесь всяк солдат», «земля родит иных, чтоб мстить в ожесточенном бое». В бой гражданина ведет «любовь к стране святая» и «вольность дорогая», именно в этом состоит величие гражданского подвига: «пусть вся вселенная узрит, что меч стоял за право»;

4. Список врагов разнообразен – это не только «чужеземные толпы» и «наемные орды», которые «скуют нам длани и под ярмо поставят вновь, чтобы зачинщик этой брани мог вновь сосать народа кровь». Это еще и «крамольники в изгнаньи, изменники родной страны», «деспоты», «изверги» и «тираны» т. е. бывшие сограждане, олицетворяющие прежнюю власть. Их свирепые солдаты у костров «бьют ваших сынов, подруг там ваших крики». Они – «орда рабов с злодеями вождями», хотят штыками навязать «рабство, изуверство». Поэтому необходимо сделать всё, чтобы враг бежал «кровавою стезей»;

5. Гимн не только фиксирует славное прошлое («мы братьев кости лишь найдем, да честь без укоризны»), но и прогнозирует не менее пассионарное будущее – новые поколения пойдут сражаться за Отчизну («искать мы станем боя, чтоб мзду за них [предшественников] иль смерть найти, как следует героям»). Таким образом, пожар революционной борьбы распространится не только в пространстве («вся вселенная»), но и во времени, закольцовывая череду жертвоприношений в кровавый конвейер.

Марсельеза – замечательная революционная песня, любимая не только фран-

цузами*, ее воодушевляющая мелодия и героический пафос достойны такой популярности. Но если взглянуть на содержание с точки зрения символической, то можно сделать вывод о, мягко говоря, своеобразии государственного концепта, основанного на заложенных в ней идеях. Основная проблема гимна, пожалуй, в том, что полностью отсутствует образ страны и государственной власти. Франция Марсельезы – это лишь территория, на которой разворачивается кровавая битва за вольности и свободы. Но если, например, свободный гражданин США сражается с внешним врагом, то гражданин Прекрасной Франции убивает рабов тирана-француза, чтобы самому не стать рабом. Братоубийственная бойня ради абстрактных идеалов Свободы, Равенства и Братства не привносит в государственный концепт созидательного пафоса, не воспевает величие страны, не освящает незыблемость власти и спокойную уверенность в своих силах. Времена решительных революционных действий давно прошли, а идеальный образ все еще транслирует в реальность борьбу за свободу одной части своих граждан от тирании другой.

Неудивительно, что в конце XX в. на мировой арене Франция «прославилась», в основном, молодежными бунтами и массовыми беспорядками – радикализм вписан в национальный код. Неудивительно также пренебрежение властной элиты национальными интересами французов, ибо включенные в гимн идеи Великой французской революции не признавали границ и наций, декларировали интернациональные ценности и ввели в пространство политики само понятие «общечеловеческих прав». Марсельеза воплощает триумф космополитизма, казалось бы, фатальный для энергии гимна национального государства, но она же показательно иллюстрирует способность символа стать символом самого себя. В малой зависимости от буквального содержания маркируется историческая прочность французской нации, как нации свободы, родившейся в эпоху революции. Конкретика, со временем, отошла на задний план, но основная идея актуальна до сих пор, и гимн манифестирует эту метафизическую данность.

Ещё Польша не погибла,
Если мы живы.
Всё, что отнято вражьей силой,
Саблею вернём.
Марш, марш, Домбровский...
С земли итальянской в Польшу.
Под твоим руководством
Соединимся с народом.

Интересна история государственного гимна **Польши**. С политической карты Европы Речь Посполитая исчезла в 1795 г., после раздела ее территории между Россией, Австрией и Пруссией. В 1797 г. племянник последнего польского короля Ян Генрик Домбровский, с позволения Наполеона Бонапарта, создал в Италии Польские легионы, которые должны были вторгнуться в Польшу и отвоевать независимость. Тогда же впервые в исполнении оркестра прозвучал марш легионов, определяющий им политическую задачу. По определенным причинам вторжение не состоялось, но «Марш Домбровского» еще долгое время вдохновлял поляков на восстания (в 1830 и 1863 гг.) и в 1927 г. стал символом восстановленного государства. К сожалению, как и в случае с Марсельезой, этот гимн принес в Польшу XX в. идеи, актуальные более сотни лет назад. Но если Марсельеза концентрировала и творила смыслы новой эпохи, то «Марш Домбровского» транслировал из прошлого средневековые идеалы шляхты, променявшей «liberum veto» на независимость своего государства. Гимном отражены следующие смыслы:

1. Страна – «еще не погибла»;

2. Основная задача государственной власти – прибытие извне («с земли Итальянской в Польшу») «для спасенья родины вернуться через море». Когда истинная власть вернется, она должна «соединиться с народом» и ее представители «станут поляками»;

3. Основная задача граждан – ждать освободителей («отец своей Басе говорит, заплаканный: "Слушай, похоже, наши бьют в барабаны"»);

4. Враг четко не определен** Упоминается абстрактная «вражья сила», которая отняла «всё», и вернуть это «всё» можно лишь «саблей»;

5. Все планы и надежды, изложенные в гимне, – это проект будущего. Ни прошлое, ни настоящее время в нем не фигурируют.

*В данном анализе использовался перевод М.И. Венюкова, опубликованный «Общим делом» в 1880 г.

**В двух последних строфах «Марша» есть недвусмысленные указания на конкретных врагов («русский с немцем»), но они не вошли в официальную редакцию гимна.

Н.А. Бердяев, сравнивая русский и польский тип мессианства, выражал надежду на конечное примирение двух славянских народов. Констатируя их несхожесть, он еще в начале XX в. намечал пути движения навстречу: «Национальное чувство искалечено у нас, русских, рабством внутренним, у поляков – их внешним рабством. Русский народ должен искупить свою историческую вину перед народом польским, понять чуждое ему в душе Польши и не считать дурным непохожий на его собственный духовный склад. Польский же народ должен почувствовать и понять душу России, освободиться от ложного и дурного презрения, которому иной духовный склад кажется низшим и некультурным» [1, с. 141–142]. Тем не менее истинного примирения не последовало и в XXI в.

Немалую в этом роль, на наш взгляд, играет польская программа международных отношений, подсознательно формируемая гимном – военным маршем освободителей от российской оккупации, которых поддерживает Европа. Это произведение содержит восхищение Наполеоном, который «дал пример, как должны мы побеждать», а упомянутые истинные польские герои – Домбровский (дивизионный генерал наполеоновской армии) и Чарнецкий (жестоко подавлявший антипольские восстания на Украине) – сражались с Россией.

Не вызывает удивления после изучения гимна и длительное существование такого экзотического органа государственной власти, как «правительство Польши в изгнании». С 1939 по 1990 год оно претендовало на управление страной, находясь то во Франции, то в Великобритании. Некоторые государства (Испания, Ирландия и Ватикан) вплоть до 1958 г. считали его легитимным.

В 1862 г. П. Чубинский, вдохновленный «Маршем Домбровского», создает стихотворение, которому в 2003 г. было суждено стать государственным гимном суверенной **Украины**. Программа государственного строительства, просматривающаяся в нем, гласит следующее:

1. В стране еще «не умерли ни слава, ни воля»;

2. Основная задача государственной власти – не определена;

3. Основная задача граждан – «в родном крае господствовать (панувати) не дадим никому», дождаться, когда «нам улыбнется судьба», и «заживем (запануем) и мы, братья, в своем краю». Ради этого «встанем в бой кровавый от Сана* до Дона», «душу и тело положим за нашу свободу»;

4. Враг четко не определен**, но гимн дает обещание: «сгинут наши враги, как роса на солнце», – т. е. естественным образом испарятся;

5. Кроме воспевания прошлых и настоящих битв и сражений, в гимне присутствует созидательная нотка, перекидывающая мостик в будущее: «рвение, труд искренний, свое еще докажут». В будущем, когда «судьбинушка поспеет», результат окажется более чем замечательный: «Украины слава встанет среди народов».

Как и у поляков, как и у французов, гимном схваченная эпоха рождения национального «Я» украинца механически перенесена из трагического кровавого прошлого в настоящее. Суверенное независимое государство «душу и тело» народа готово положить за свободу от внешнего врага, затаившегося на Востоке. Указанный враг почему-то не ощущает себя таковым по отношению к «братскому народу», сообща с которым вышел из одной восточно-славянской колыбели. Но родство – не тождество. Неприятие этого факта присутствует со стороны России: комплекс «старшего брата» мешает признать, что на Украине формируется не уменьшенная копия, а отдельная, хоть и родственная, нация с отличным от российского мировоззрением.

Эта онтологическая несхожесть отражена в темпоральной и пространственной архетипике гимнов. Стихотворение Чубинского в 1862 г. было ориентировано на будущее, в начале XXI в. будущее наступило. В этом «будущем» Украина, как и Польша, – «цэ Єуропа», охраняющая рубежи цивилизованного мира от варварского Востока. Государственный концепт избавляется от прошлого, яростно и нетерпимо отграничивая себя от русских соседей ради прекрасного будущего в Европе, среди народов которой «Украины слава встанет». Будущее, как прекрасная

* Сан – приток Вислы.

**Не вошедшие в официальную редакцию гимна строки стихотворения обращены упреком непосредственно Хмельницкому: «Ой, Богдан, Богдан, славный наш гетман, Зачем отдал Украину москалям поганым?!». Примечателен тот факт, что герой «Марша Домбровского» Стефан Чарнецкий в 1664 г., согласно «Черниговской летописи», сжег хутор Хмельницкого, разрушил его гробницу, а тело приказал выбросить. Своеобразная перекличка гимнов, тем не менее, определяет врагами Украины исключительно «москалей поганых», поляки этой участи избежали.

фата-моргана, манит за собой страну: кажется, что если сделать еще пару шагов на Запад, то вожделенный оазис процветания среди безводной пустыни настоящего будет достигнут. В России же, гимн которой будет проанализирован во второй части статьи, сформировалась иная темпорально-пространственная схема: метафизика вечности и бесконечность уже имеющегося пространства. Это самодостаточное государство, комфортно расположившееся в освященных веками границах, демонстрирует на символическом уровне уверенность в себе и своем месте в мире. Россия давно пережила период территориальной экспансии, и на данном историческом этапе отвечает совсем на иные вызовы: «Но медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. И тайги своей не отдаст» (из речи В.В. Путина перед членами Международного дискуссионного клуба «Валдай», Сочи, 2014).

Конфликт, в настоящее время разгоревшийся на западных рубежах нашей страны, в упрощенном виде выражается фразой: Украина воюет с Россией, а Россия на войну не потрудилась явиться. Это пренебрежение еще больше обостряет непростую геополитическую ситуацию. Достаточно различий найдется в мировоззрениях нации зрелой и нации молодой, ищущей себя, что, при всей генетической близости народов, необходимо учитывать. И через эти различия нужно выстраивать новую общность, основанную на взаимоуважении, а не на взаимоотрицании.

1. Бердяев, Н.А. Судьба России. М., 1990.
2. Вещество литературы (На вопросы редакции отвечает Л. Карасев) // Человек. 1997. № 1.
3. Емелин, В.А. Виртуальная реальность и симулякры. М., 1999. URL: http://emeline.narod.ru/virtual.htm (дата обращения: 28.10.2014).
4. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. I. Таллинн, 1992.
5. Осоргин, М.А. Свидетель истории. М., 2010.

References

1. Berdjaev, N.A. Sud'ba Rossii. M., 1990.
2. Veshhestvo literatury (Na voprosy redakcii otvechaet L. Karasev) // Chelovek. 1997. № 1.
3. Emelin, V.A. Virtual'naja real'nost' i simuljakry. M., 1999. URL: http://emeline.narod.ru/virtual.htm (data obrashhenija: 28.10.2014).
4. Lotman, Ju.M. Simvol v sisteme kul'tury // Izbrannye stat'i. T. I. Tallinn, 1992.
5. Osorgin, M.A. Svidetel' istorii. M., 2010.

UDC 101.8

ANTHEM HERMENEUTICS. PART 1

Vorobyeva ElenaYuryevna,
Cand. Sc. (Philosophy),
Omsk, Russian.
E-mail: velena-05@mail.ru

Annotation
Understanding as the main task of hermeneutics cannot be solved without dialectic approach. Understanding is not only penetration into understandable in a strange, but strange in the clear. In example of such traditional symbols of the state as anthems it is shown the extensibility mechanisms of known through the analysis of hidden meanings and their influence on the political fate of nations.

Key concepts:
hermeneutics,
information civilization,
symbol,
meaning,
anthem.